

сеять хаос" (с. 217). Приводя слова де Голля – "теперь экономика раздавлена и отброшена на годы", М.Ц. Арзаканян пишет: "Генерал был абсолютно прав. Из-за огромного повышения зарплат, пенсий, всевозможных пособий французская экономика дала сильный крен" (с. 220).

Между тем, на самом деле, генерал был не прав. Статистические данные показывают, что внутренний национальный продукт Франции в 1969 г. увеличился на 86 пунктов по сравнению с 1968 г. (1950 г. = 100) и продолжал расти в последующие годы, причем одновременно выросла почасовая зарплата, размеры пенсий и расходы на здравоохранение.

Влияние событий мая–июня 1968 г. не сводится к экономике. Именно они вынудили генерала де Голля предложить реформу общественных отношений в духе "участия" различных социально-профессиональных групп в управлении государством, а после ее провала – подать в отставку. Непосредственным результатом студенческих волнений 1968 г. стала реформа системы высшего образования. События мая–июня 1968 г. привели к изменению политической ситуации, образа жизни и нравов французов.

Избранный автором метод изложения – "год за годом", – позволил ей воссоздать в хронологической последовательности основные события жизни де Голля, сведенные в конце книги в очень полезную для читателя таблицу (с. 245–253). Но такой метод затрудняет рассмотрение тех или иных длящихся во времени проблем. Так, например, раздел "Алжирская проблема" действительно начинается с изложения планов де Голля относительно Алжира, но затем (следуя хронологии), идет довольно подробный рассказ о переговорах де Голля с Хрущевым, не имеющий никакого отношения к Алжиру (с. 175–177). За ним излагается материал о поездках де Голля в Великобританию и США, о неудавшемся совещании глав великих держав в Париже (с. 177–178) и только после этого автор вновь обращается к событиям в

Алжире. В результате логическая связь событий нарушается. Здесь был бы более уместен проблемно-тематический подход.

В отличие от советских историков, которые уделяли большое внимание "классовой сущности" политики де Голля, спорили о том, следует ли его рассматривать как националиста, традиционалиста, консерватора или реформатора, М.Ц. Арзаканян не ставит таких вопросов. Она просто описывает те или иные действия де Голля, предоставляя читателям самим сделать выводы.

Автор воздерживается от каких-либо критических замечаний в адрес де Голля, называет его "спасителем отечества". По ее словам, "неутомимым созиданием на благо отечества он навеки вписал свое имя в анналы истории" (с. 229). Автор вполне присоединяется к президенту США Р. Никсону, который сказал: "Де Голль не нуждается в памятнике, потому что он сам – монумент. А творение его рук – Франция" (с. 229).

На наш взгляд, это сильное преувеличение. Несмотря на свои большие и реальные заслуги, де Голль не является ни творцом Франции, ни ее спасителем. Спасение Франции от немецко-фашистской оккупации не дело рук одного человека, а результат победы антигитлеровской коалиции, в которой возглавляемая де Голлем "Свободная Франция" играла не самую важную роль. Де Голль, как и любой исторический деятель, заслуживает более объективного и критического подхода.

Высказанные выше замечания не меняют общей высокой оценки рассматриваемой книги: появилась новая биография генерала де Голля, которую с пользой прочтут все, кто интересуется жизнью этого знаменитого государственного деятеля.

В.П. Смирнов,
доктор исторических наук,
профессор кафедры новой и новейшей истории
исторического факультета МГУ

А.В. Гордон. ВЛАСТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ: СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. 1918–1941. Саратов: Научная книга, 2005, 249 с.

В центре книги доктора исторических наук, главного научного сотрудника Института научной информации по общественным наукам РАН А.В. Гордона – процесс формирования советской исторической науки. Однако моно-

графия отличается от известного историографического жанра, в основе которого – традиционная история идей. Замысел книги сложнее и интереснее. Историк приглашает читателя задуматься о природе советской системы, явно

недостаточно изученной специалистами. Ключом к дверям этого "мира", из которого все мы вышли, может стать осмысление роли революционной традиции в советском обществе. По мнению автора, она была своеобразной движущей силой небывалого социального эксперимента. Действительно, на всех этапах эволюции советского строя культ Революции, прочно связанный с идеей освобождения от эксплуатации, оставался неизменным. При этом воплощением Революции была Советская власть. В постсоветскую эпоху ситуация изменилась: ради избавления страны от революционного жупела в обществе "культивируется убеждение, что Власть и Революция разведены по разные стороны универсума, что одна воплощает Добро, другая – Зло, одна – от Бога, другая – дьявольская затея" (с. 7).

Такому не слишком продуктивному бинарному схематизму автор противопоставляет исследовательский поиск ответа на вопрос: почему в известную эпоху социальная революция стала движущей силой исторического процесса? Это предполагает размышление о созидательных возможностях в революционном наследии и о блокирующих социокультурное развитие проявлениях Власти (с. 7). Чтобы понять, каким образом "революционная энергетика была превращена Властью в способ своего воспроизводства", А.В. Гордон предлагает "вникнуть в особенности той исторической структуры, соединившей Власть с Революцией, что оказалась судьбой страны в недавнем прошлом" (с. 7–8).

Предметным полем для изучения особенностей функционирования в нашей стране специфического аппарата управления массовым сознанием с помощью исторического познания в книге является советская историография Великой французской революции, органично сочетающая в себе черты революционного наследия и статус идеологического орудия Власти. При этом автор стремится работать с ушедшими коллегами-историками, как с равноправными интеллектуальными партнерами, в диалогическом режиме и совместить два "пространства": "пространство Власти" как "ядро" советской историографии, которое контролировалось извне/изнутри, и "пространство Власти" в самом широком плане (с. 12). Другими словами, речь идет о том, чтобы понять, каким образом в трактовке природы революционной власти в чужой стране выражались представления советских людей, строивших новое общество. Поскольку проблематика исследования не исчерпывается первыми десяти-

летиями советской истории, Гордон анонсирует вторую его часть, посвященную советской историографии 1956–1989 гг., разрабатывавшей историю Французской революции.

На обширном конкретном материале он показывает, что специфику исторической науки в Советском Союзе предопределило ее организационное и идеологическое оформление. При этом революционная традиция, которая была "исходной базой советской историографии вообще, и французской революции в особенности, проявляла себя и в апофеозе созидания общественного строя, и в апологии насильственных методов этого созидания, а больше всего – в культе власти, аккумулирующей всякую инновацию и монополизирующей общественную инициативу" (с. 227).

Революция во Франции была эталоном, по которому выверялась политическая стратегия революционной, а затем и правящей партии. Уже в первых публикациях советских историков персонажи, институты и победы этой революции служили мобилизационным задачам защиты советской власти. Ее привилегированное место в советской историографии закрепила концепция "революции-прототипа", прообразованная Октябрем 1917 г., сформулированная в 20-е годы. В то же время, защищая "красный террор" от ретроспективных обвинений, советские историки оказались очень чувствительны к аналогиям между двумя революциями, что обернулось оправданием террора 1793–1794 гг. Уже в 20-е годы было сформировано мнение (реанимированное в 1960-е), что самоистребление якобинцев – следствие их "мелкобуржуазности". Это означало, что угроза подобного исхода для пролетарской революции была исключена.

Типичное для всех этапов советской историографии изучение Французской революции XVIII в. "слева" (политический радикализм) и "снизу" (массовые движения) в книге представлено как две стороны одной методологической позиции, которую советские историки выстраивали в соответствии с идеологической по сути логикой: прогресс – революция – диктатура. Уже в этой логике проявлялся специфический тип мышления, когда официальные постулаты соединялись с личной убежденностью ученых, социалистические идеалы – с апологией советского образа жизни. На рубеже 20–30-х годов профессионализм советских ученых был интегрирован в рамки особой политической культуры, названной в книге "культурой партийности". Она включала "не только особый научный стиль и методологию, но и мировоззренческие критерии, систему ценностей, нравственные ка-

тегории" (с. 10). Осмысливая основные рычаги формирования культуры партийности (идеологический канон, работа по правилам, обязательное обращение к цитатам классиков, концентрация на определенных нужных моментах прошлого, выбор субъектов исторического действия, достойных героизации, и т.п.), автор выявляет жесткую зависимость советской историографии Французской революции от проблем партийно-политического свойства, с которыми сталкивалась власть.

В 20-е годы партийное руководство, нередко прибегая в ходе партийной борьбы к историческим экскурсам и параллелям, мало интересовалось "историческим фронтом" в науке. Наличие различных позиций на высшем государственном уровне предполагало известный плюрализм в среде советских историков, что облегчало сотрудничество с представителями дореволюционной профессуры и западными учеными. Такая ситуация сохранялась до весны 1928 г., когда свертывание нэпа предопределило переход к "чрезвычайщине" во всем.

Радикальный политический поворот обернулся для ученых "великой перековкой" 1929–1932 гг., начатой репрессиями против дореволюционной профессуры ("Академическое дело") и завершившейся разгромом Коммунистической академии (гл. 2). В результате в течение 30-х годов исчезла почти вся когорта первых советских исследователей Французской революции.

Главным итогом "перековки" стало установление в науке жесткого идеологического режима на основе канонизации к концу 1930-х годов "Краткого курса" истории партии. Абсолютной истиной считались формационная теория, классовый подход, "теория отражения". Отступление от канона оказывалось идеологическим, а в 30–50-х годах и политическим преступлением. Закрепилась, особенно в условиях железного занавеса, исключительность советской историографии, ее изоляция от мировой науки. Провозглашались научная неполноценность и политическая враждебность "буржуазной историографии". Изменился стиль историописания: на смену "революционному романтизму" 20-х годов пришел "социалистический реализм", партийные установки стали высшей ценностью.

Историография Французской революции, так же как изучение отечественной истории, подверглась "огосударствлению". Анализируя книгу Е.В. Тарле о Наполеоне, автор показывает, как в 30-е годы "материалы" Французской революции начинали "работать" на об-

новленное партийное руководство и его курс (гл. 4). Политические интересы не позволяли отказаться от революционного наследия. Но потребность в расширении идеологической базы в новых условиях требовала активного включения в работу национально-государственных тем. Наложение национально-государственного подхода на классовый и определило, по мысли автора, своеобразие советской историографии конца 30-х годов. Как и в отечественной истории, во Французской революции подлинным героем оказался не сам народ, а те, кто его представлял.

Преимущественное внимание к проблемам власти и массовым социальным движениям привело к тому, что вся проблематика революции оказалась у советских историков сфокусированной на якобинском периоде как времени наибольшего влияния этих движений на власть. Не только содержание этого радикального этапа, но и судьбы революции в целом рассматривались сквозь призму установления, эволюции и падения власти, получившей именно в советской историографии наименование "якобинской диктатуры".

Исследуя различные ипостаси "якобиноцентризма", автор отвергает распространенную в современной специальной литературе идею о концептуальном единстве советской историографии Французской революции. Даже в 30-е годы, наряду с утверждающейся концепцией "революции-антипода", сохранялись фрагменты различных концепций 20-х годов, включая концепцию "революции-прототипа": "Установилось скорее внешнее единообразие, чем внутреннее единство, была проявлена готовность к повиновению, но не последовательность в выполнении предписаний" (с. 223). Тем не менее "зажатость" советской науки блокировала осмысление исторического опыта. Внушаемость советского общества, считает А.В. Гордон, "была обусловлена не столько народным традиционализмом (к которому охотно апеллируют постсоветские интеллектуалы в поисках "виноватого"), сколько глубокой мировоззренческой и ценностной дезориентацией, которая стала неизбежной после происшедшего сначала разрыва с дореволюционной традицией, а затем ликвидации широкого слоя носителей революционной традиции" (с. 216).

Актуальность книги А.В. Гордона заключается в постановке и осмыслении проблемы дискредитации революционной традиции в современном российском обществе, тем более что она тесно увязана с террором. В советское время Власть подавляла стихию революцион-

ной традиции и вместе с тем использовала ее, калеча судьбы людей и науки в целом. "Современный негативизм по отношению к революционному наследию – это зеркальное отражение отношения революционеров к прошлому" (с. 216), проявление нового разрыва с традицией, который затрудняет и без того сложный процесс ее понимания.

Выскажем и некоторые критические соображения. А.В. Гордон справедливо отмечает односторонность имеющихся изображений эволюции советской историографии в линейном поступательном ритме ("академики", "почвенники", "либералы") (с. 98). Но возможности предложенного им исследовательского инструментария тоже оказываются ограниченными. Искомой "целостности" не получается. Формирование партийной культуры и культуры профессиональной уже по определению, даже в таком "неудобном" случае бытования исторического мышления, каким является советская историография, не могли совпадать полностью. Вряд ли "культура партийности" включала в себя все способы мыслить. Разумеется, режим работы с аналогиями и многое другое определяла Власть, однако профессиональная мысль все же выходила за установленные границы исторических аллюзий, создавая ситуации, когда возникала необходимость артикулировать то, что не подлежало артикуляции. Именно поэтому поле исследований, связанных с Французской революцией, оказалось одним из самых "простреливаемых" (с. 120). Кроме того, идеологическое измерение в исторической науке и ангажированность историков – явления обычные, в принципе неустраимые. Автор прекрасно это понимает, и именно в этой связи

показывает, что ранняя историческая наука в СССР интересна не только сбором и накоплением фактов, но и "ангажированным" подходом (с. 231–233). И все же в книге явно не хватает размышлений о том, что такое идеология, в чем причина ее мощной силы.

При объяснении сложных явлений автор несколько злоупотребляет, на наш взгляд, понятием "двойственность" (с. 132, 154, 162, 188, 217, 229). Аналитическая продуктивность этого понятия все же ограничена, и хорошо бы поискать более убедительные объяснительные "механизмы", чем трафаретное "с одной стороны", "с другой стороны", применительно к ситуациям, когда этих самых "сторон" значительно больше.

Монография А.В. Гордона, как любая богатая смыслами книга по историографии, не относится к легкому чтению, но наградой за труд восприятия авторской мысли становится удовольствие от тонкого и умного анализа концепций и ситуаций, в основе которого – свободное владение разнородным и сложным конкретным материалом. Знающий и думающий историк, автор критически переосмысливает собственный инструментарий, приглашает к размышлению о нашем советском опыте в русле новой интеллектуальной истории и открывает возможности для обретения ориентиров в настоящем.

З.А. Чеканцева,
доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН

В.П. Люб и н. СОЦИАЛИСТЫ В ИСТОРИИ ИТАЛИИ: ИСП И ЕЕ НАСЛЕДНИКИ, 1892–2006. М.: изд-во "Наука", 2007, 463 с.

Книга доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института научной информации по общественным наукам РАН В.П. Любина – первое в отечественной историографии столь обстоятельное исследование по истории итальянского социалистического движения. Эволюция Итальянской социалистической партии (ИСП) и ее наследников рассматривается на фоне как общенациональной истории, так и истории международного рабо-

чего и социалистического движения. Без знаний об "итальянском социализме", всего того, что было сделано ИСП в социальной и политической сферах, вряд ли возможно понять прошлое и нынешний день Италии, разобраться в ее сложной политической жизни, делать прогнозы, оценивать перспективы. Задачей автора было осветить более чем столетнюю историю "итальянского социализма" (так в Италии называют все, что связано с социалистическим